

АКМЕ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ ПИФАГОРЕЙЦЕВ: ОТ ОНТОЛОГИИ К ЭТИЧЕСКОМУ ИДЕАЛУ

Е. А. Юмкина

Санкт-Петербургский государственный университет

В. В. Волков

Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений

Поступила в редакцию 5 марта 2024 г.

Аннотация: *раскрываются предпосылки понимания акме (вершины, зрелости) человека в философии Пифагора и пифагорейцев. В онтологическом плане феномены акме и кате могут быть поняты как состояния гармонии (упорядоченного, прекрасного) и дисгармонии (хаотичного, безобразного). При этом они становятся соотношениями чисел, определяющими связи между вещами, наполняющими космос. Гносеологический аспект пифагорейского учения постулирует принципиальную познаваемость для человека законов мироздания через раскрытие числовых пропорций и отношений в явлениях, открывая тем самым возможность для конкретных практических преобразований. Созерцание этой красоты и раскрытие ее в себе, по взглядам пифагорейской школы, является высшей этической ценностью человека, его акме.*

Ключевые слова: *Пифагор, пифагорейцы, акме, кате, этический идеал, добродетели, гармония.*

Abstract: *it reveals the prerequisites for understanding the acme (peak, maturity) of a person in the philosophy of Pythagoras and the Pythagoreans. Ontologically, the phenomena of acme and kate can be understood as states of harmony (ordered, beautiful) and disharmony (chaotic, ugly). At the same time, they become ratios of numbers that determine the connections between things that fill the cosmos. The epistemological aspect of Pythagorean teaching postulates the fundamental cognition of the laws of the universe for humans through the disclosure of numerical proportions and relationships in phenomena, thereby opening up the possibility for specific practical transformations. Contemplation of this beauty and its revelation in oneself, according to the views of the Pythagorean school, is the highest ethical value of a person, his acme.*

Key words: *Pythagoras, Pythagoreans, acme, kate, ethical ideal, virtues, harmony.*

Современная акмеология (от греч. Акме – «высшая пора, расцвет»), как наука о развитии человека в периоде зрелости, столкнулась с проблемой размытости своих базовых категорий – «акме» и «кате» [1]. Пестрота выделяемых критериев зрелости человека обусловила актуальность более глубокого изучения философских предпосылок представлений о человеке и его месте в мироздании. Философы первого этапа Античности являют собой отправную точку в исследовательском поиске по причине того, что именно в их работах эти понятия сформировались и потянули за собой мощный пласт дальнейших философских размышлений.

Философы досократического периода призывали видеть единство законов мироздания, что составляет их главный онтологический тезис, из которого следуют далее три момента в осознании человеком бытия: а) все окружающее живет по этим законам; б) он (человек) также живет по этим законам; в) это выра-

жение в действии согласованного с законами природы отношения человека к себе и другим людям. Акме человека в этом смысле – это осознание или раскрытие в себе действия универсальных законов мироздания (что возможно сделать различными методами – от усмотрения подобия до акцентирования внимания на отличиях) и согласование своих действий с ними. Каждый мыслитель той эпохи предложил свой вариант взаимосвязи акме человека с универсумом. Самым оригинальным, пожалуй, стал подход Пифагора.

Как известно, Пифагор (570–495 гг. до н.э.) не стремился фиксировать свои размышления, передавая их в устной традиции. Тем не менее благодаря преданности входящих в его союз последователей идеи этого мыслителя дошли до наших дней [2, с. 27]. Для анализа предпосылок акмеологии важно, что идеал человека не просто утверждался в качестве отдельных изречений или абстрактной схемы, но представлял собой уже отлаженную систему практических действий, которая и осуществлялась пифагорейцами под

предводительством своего учителя. Примечательно, что с какого-то момента деятельность пифагорейского союза была расценена официальными властями как опасная и прилагались немалые силы для его разрушения. Несмотря на это Пифагор оказал колоссальное влияние не только на мировоззрение своих современников, но и на развитие научной картины мира в целом, заложив основы математического постижения реальности [3–5].

Онтологический аспект

Первоначалом сущего Пифагор и его последователи мыслили число, а более конкретно – единицу (как выражение единого). В этом смысле пифагорейцы, как отмечает А. Н. Чанышев, дополнили «апейрон Анаксимандра как “беспредел” пределом (дуализм), поняв последний как геометризованное число» [6, с. 501]. Предел – это всё то, что совершенно, оформлено, упорядочено, как космос. «Беспредел» ему противоположен – это беспорядок, отсутствие оформленности, несовершенство и пустота. При этом «пифагорейцы признавали беспредельное, находящееся вне видимого мира, всеобщей вечной сущностью» [7, с. 101].

У Пифагора конкретное выражение категории предела находится в геометрии. В пифагореизме это не просто человеческая практика – это выражение процесса космогенеза. Р. Каратини обращает внимание, что «...Пифагор был первым, кто сделал арифметику и геометрию науками в подлинном смысле этого слова, освободив их от служения только делу купцов и землемеров. Пифагор преобразовал геометрию, рассматривая ее принципы чисто абстрактным образом и исследуя теоремы с интеллектуальной точки зрения...» [8, с. 79].

Разворачивание видимого космоса происходит следующим образом: «...от “Единого” и диады произошли числа, и, начиная с них и последовательно, точки, линии, поверхности и объемы. Объемы (Аэций называет “пять телесных фигур Пифагора” – куб, пирамиду, октаэдр, икосаэдр и додекаэдр) породили четыре элемента (землю, огонь, воздух, воду) и сферу Вселенной (эфир), которые сочетаясь в различных пропорциях, создали Вселенную...» [там же]. В этой последовательности усматриваются этапы или стадии развития, важные и для понимания сущности акме и кате.

Геометрическим выражением предела является шар, арифметическим – единица. Конкретное выражение предела есть точка, которая может фиксировать верхний или нижний пределы. Пифагорейцы представляли себе возникновение мироздания «...как наполнение точки (“божественной единицы”) пространством (материей, двойкой и пустотой), в результате чего точка получила объем и протяженность» [9, с. 49].

Космос понимался пифагорейцами как некоторая математическая гармония, пронизывающая все его составляющие. По такой логике, небесные тела излучают божественную музыку, которая воздействует на человека, побуждая его к благородным поступкам, к реализации своих высших возможностей, проявляющихся в гармонии [2, с. 30; 10, с. 338].

Идеи предела и беспредела, точки, гармонии являются существенными предпосылками акме и кате. Анализ взаимосвязи между этими понятиями позволяет открыть новые грани и в акмеологических категориях. Так, акме и кате могут быть поняты как верхний и нижний предел существования той или иной вещи, которые при учете идей числа образуют интервал устойчивости. Вне этого интервала объект перестает существовать, переходит в какую-то иную форму (более или менее совершенную).

В то же время акме и кате – это конкретные точки, по которым проходят границы между многообразными вещами. По этим точкам возможно определение, что собой представляет та или иная вещь.

В учении пифагорейцев были выделены десять пар противоположностей, список которых приводит Аристотель [11, с. 76]:

- 1) предел и беспредельное;
- 2) нечет и чет;
- 3) единое и многое;
- 4) правое и левое;
- 5) мужское и женское;
- 6) покоящееся и движущееся;
- 7) прямое и кривое;
- 8) свет и тьма;
- 9) хорошее и дурное;
- 10) квадратное и продолговатое.

Как отмечает А. Н. Чанышев, эти пары отражают дуализм пифагорейского учения, в котором центральным оказывается не число само по себе, как сущность вещей, но взаимодействие предела (перас) и беспредельного (апейрона): «...Вселенная – это не живой зародыш космоса, который действительно дышит, некая первоединица; окружающий этот зародыш космоса хаос – это апейрон, беспредельная первома́терия, которая оформляется пределом. А дыхание – это не дыхание в буквальном смысле слова, а именно вхождение беспредельного во внутрь предела, определение пределом беспредельного...» [12, с. 135]. В контексте нашего рассуждения важно, что понятия «акме» и «кате» неприменимы к отмеченным парам противоположностей, восходящих к двум первоначалам – пределу (числу) и беспредельному (материи), т. е. нельзя сказать, что какое-то из них соотносится с вершиной или низиной. Но акме и кате применимы к характеристике результата взаимодействия этих первоначал, обнаруживается их тесная связь с категориями гармонии и дисгармонии.

Значимым понятием пифагорейцев является Гармония, так как она выполняет важную функцию во взаимосвязи предела и беспредела [13, с. 132, 135]. У Филолая находим, что «...эти два начала [перас и апейрон] связываются посредством гармонии <...> Гармония есть соединение разнородного и согласие несогласного...» [12, с. 89]. Из сохранившихся отрывков о том, как пифагорейцы мыслили здоровье (как равновесие противоположностей) или нездоровье (как преобладание одной из противоположностей над другой) человека можно вывести, что гармония вообще предполагает оптимальный баланс противоположно направленных сил, а дисгармония – господство одной над другой. В этой логике оказывается, что *акме и кате выражают некий диапазон возможных соотношений первоначал и их производных в конкретной вещи от максимальной дисгармонии (кате) до максимально гармоничного (акме).*

Гармония тождественна прекрасному, выступающему, в свою очередь, признаком гармонии. Через нее происходят примирение противоположностей и уподобление Единому, т. е. Богу [14, с. 146].

В контексте рассуждений о взаимосвязи данного понятия с акме и кате гармония может рассматриваться как степень приближения определенной вещи к этой целостности, а также как способ взаимосвязи и нейтрализации различий между ее противоположными свойствами. Кате будет означать наименьшую степень согласования противоположностей друг с другом, максимум различий между ними и, как следствие, максимальное удаление от единства и целостности. Акме – наоборот, максимальную согласованность противоположностей и приближение к единству.

Гносеологические основания проблемы

Человек также подчиняется законам чисел, их отношений и гармонии. Числовые законы, как считали пифагорейцы, умопостигаемы, следовательно, мир познаваем, но лишь настолько, насколько он определен. Основа познания заключается в осознании, что «...первичным является природа чисел и пропорций <...>, пронизывающая всё, в соответствии с которой всё гармонично соединено и подобающим образом украшено. И мудрость поистине есть знание прекрасного, первичного, божественного и чистого, всегда неизменного и действующего так, что всё прочее, причастное ему, также может быть названо прекрасным...» [15, с. 48–49]. Восхождение к совершенному начинается с познания первооснов мироздания. Однако на этом пути главным препятствием становятся чувства, искажающие понимание упорядоченности и единства явлений. Решить эту проблему, по мнению пифагорейцев, могла только система специальных приемов или очищений.

Интересен в гносеологическом плане принцип «правильного начала»: «...видели в начале (ἀρχή) самое ценное и трудное, будь то в науке и в опыте или в государстве и в войске...» [12, с. 45]. Действительно, познание начала или сущности каждой вещи сопряжено с большими трудностями, а ошибка в определении чего-либо как сущности приводит к заблуждению.

В своем развитии пифагорейская гносеология столкнулась с целым рядом проблем. Самой существенной, на наш взгляд, явилась проблема иррациональности, возникшая в связи с несоизмеримостью диагонали квадрата с его стороной [16]. «Оказалось, что для таких элементарных геометрических объектов, как диагональ и сторона одного и того же квадрата, не существует меры, т. е. нет измеряющего их числа. Подобный арифметический вывод практически опрокидывал пифагорейскую философскую систему представлений о Сущем» [17, с. 57]. Однако этот первый кризис античной философии и математики активизировал движение к общей теории пропорций и в итоге к новому пониманию гармонии как единства предела и беспредельного.

Этический идеал пифагорейцев

Определение правильного начала в повседневной жизни человека – также исходная посылка в нравственном совершенствовании, так как оно детерминирует исход пути, приближение к тому максимально гармоничному состоянию, которое в пифагорейской философии можно уподобить акме. Это состояние, как высший итог человеческой жизни, предполагает созерцание красоты космоса. Путь к нему пролегает через раскрытие красоты в мире (познание посредством занятиями науками) и в самом себе (посредством нравственного очищения). В этом контексте приведем обобщающую цитату А. Н. Чанышева: «...красота мира открывается только тем, кто придерживается правильного образа жизни, в ком самом, как в некоем микрокосмосе, торжествуют порядок и симметрия (соразмерность)...» [12, с. 46]. Упорядоченность должна быть в чувствах, мыслях и действиях человека, на том строится этический идеал пифагорейцев и реализующий его образ жизни, разработанный в мельчайших деталях.

В своей основе этический идеал пифагорейцев определяет стандарт для реализации следующей иерархической системы ценностей (по А. Н. Чанышеву):

- «...1. Прекрасное и благопристойное:
 - а) образ жизни,
 - б) науки.
2. Выгодное и полезное.
3. То, что доставляет удовольствие; само удовольствие...» [там же, с. 41].

Как видно, в основе – в высшей степени духовные ценности красоты и благопристойности. Утилитарные и гедонистические ценности не исключаются вовсе из жизни, но занимают подчиненное положение. Вся совокупность дидактических действий, которые разработали пифагорейцы для отбора и посвящения в свой союз, направлена на развитие размышления, укрощения эмоций. В частности, одним из мощных средств служило молчание, которое, по замечанию Г. Ф. Гегеля, «...представляет собой существенное условие всякого образования и учения; нужно начать с того, чтобы понимать мысли других и отказываться от собственных представлений...», в итоге человек «...отучается иметь такие неудачные мысли...» [18, с. 226].

В этом же контексте Апулей образно подытоживает: «...первое упражнение будущего мудреца состояло у Пифагора в том, чтобы до конца смирить свой язык, и слова, те самые слова, что поэты называют летучими, заключить, ошипав перья, за белой стеной зубов. Иначе говоря, вот к чему сводились начатки мудрости: научиться размышлять, разучиться болтать...» [12, с. 43]. Это же одновременно и условие движения к акме. Отучение от болтовни – это признак обуздавшей свои эмоции личности, смотрящей не на поверхность, а вглубь вещей, заполнения пустоты в отношениях вместо того, чтобы обратиться к существу другого.

Явмлих приводит систему добродетелей – одновременно свойств, которыми обладает человек в состоянии акме. Самая главная, первостепенная – это благочестие, заключающееся в почтении богов, героев, родителей, т. е. всего того, что предшествует существованию конкретного человека и является для него началом.

Вторая добродетель представляет собой мудрость как «знание о собственном сущем» [15, с. 100]. В данном случае «собственно» означает подлинно, истинно существующее, т. е. это знание о числах и их соотношениях, лежащих в основании явлений – «числу все вещи подобны» (так говорил Пифагор). Мудрость достижима посредством ведения философского, созерцательного образа жизни.

Третья добродетель – это справедливость, основа которой общность и равенство. [там же, с. 104]. В идее справедливости пифагорейцы видели глубокое единение людей друг с другом и с природой.

Четвертая добродетель – это благоразумие, наиболее тесно связанная с понятием гармонии. Согласно Явмлиху, у пифагорейцев были наставления «...относительно благоразумия, в которых предписывалось отсекалть огнем и железом всякую несоразмерность...» [там же, с. 112]. Под всякой несоразмерностью понимаются несоответствия в поведении, мышлении, речи, внешнем облике, отношений людей.

Так, неблагоразумным можно назвать молодого человека, который дерзит более старшему, или человека, характеризующего себя как ценящего прежде всего духовные блага, но имеющего роскошный дом, дорогие одежды и т. п.

Пятая добродетель – мужество, проявляющееся в верности и защите принципов, которые человек считает для себя основополагающими, а также стойкость и самообладание.

Шестая добродетель, вновь возвращающая к идее единства, – это дружба как согласие всех со всеми.

Как видно, в приведенном списке идея единства как первоосновы всех вещей является стержневой, стремление к которому составляет основной смысл человеческой жизни.

Достичь состояния акме с точки зрения пифагореизма означает стать внутренне целостным, подчинить свое поведение логике рассмотренных ранее добродетелей. Отметим, что если для Фалеса состояние акме (итога жизни) было сопряжено с моментом славы (служашей закреплению результатов творческой деятельности личности в сознании потомков), то у пифагорейцев этот элемент является второстепенным. Для них важнее находиться в единстве с божественным принципом, чтобы тем самым освободить душу от страданий и перерождений. Мышление и деятельность человека, придерживающегося таких принципов, всё время обращены в будущее, соотнося действия в настоящем с некоторым состоянием уже потусторонней жизни (суда в Аиде).

Состояние акме можно определить по совокупности свойств, устойчиво проявляемых вне зависимости от ситуации. Перечень данных свойств приводит и Маковельский, описывая этический идеал пифагорейцев: «...подчинение индивида целому, уважение к традиционным обычаям, почитание богов, родителей, начальства, наставников и старших, умение подчиняться, самообладание, строгое отношение к своим обязанностям, доходящая до самопожертвования верность по отношению к друзьям, физическая выносливость, отвращение к чувственным наслаждениям, простота в одежде, умеренность в пище, а равным образом стремление к одухотворению жизни (к науке и искусству) и к гармоническому развитию физических и духовных сил» [14, с. 139]. Заметим, что если хотя бы одного из указанных параметров не наблюдается, то такого человека невозможно признать совершенным, достигшим акме, он останется в чем-то незавершенным, незрелым.

У пифагорейцев мы находим и рассуждения о противоположном состоянии – порока, в котором отчетливо проступают предпосылки кате. Более того, они употребляли содержащее корень «кате» понятие «καθαρμό» (очищение). Кате – это порок, пребывание во власти страстей. Корни порока в неводержанности

(нарушение меры или гармонии), приводящей к «нечестивым бракам», мотовству, пьянству, необузданным желаниям и корыстолюбию, которые приводят к разбою, грабежам, убийствам, жадности, гневу, зависти и страху [19, с. 183–184, 295; 15, с. 59].

Итак, акмеологический аспект пифагореизма проявился в трех ракурсах.

В онтологическом плане акме – это состояние наибольшей гармоничности в существовании вещи, выражаемое в балансе противоположностей. Кате – это состояние наибольшей дисгармонии, когда одно из начал максимально подавляет другое. При этом соотношения противоположностей в состояниях акме и кате могут быть выражены количественно. В развитии мироздания в пифагореизме возможно выделить уровни или ступени: начальной ступенью является точка, далее следует линия, затем геометрические фигуры, далее объемные фигуры и, наконец, венчает развитие – совершенная фигура – сфера. Важно, что из объемных фигур возникают четыре элемента: огонь, вода, воздух и земля.

В гносеологическом плане существенно, что, во-первых, познание сущности акме и кате возможно в той степени, в котором действует предел, выраженный числом. Беспредельное познать невозможно. Во-вторых, главное в познании акме и кате – это выделение максимальных числовых значений в диапазоне устойчивого существования вещи. Количественные соотношения в динамике состояний между акме и кате есть главный критерий понимания их сущности.

В этическом плане высшей ценностью является созерцание красоты космоса. В этом смысле мудрость (акме человека) есть познание законов мироздания, обуславливающих эту красоту и раскрытие красоты в себе. Кате для человека – это жизнь, подчиненная страстям, зависимость от богатства, из которого произрастают незнающие предела низменные желания.

Таким образом, у Пифагора акмеология черпает для себя представления о **едином, гармонии, пределе и беспредельном**. Эти категории и сама онтологическая схема пифагорейского учения, в русле которой мы интерпретируем акме и кате, делают их абстрактными сущностями. Мыслимые как гармония (упорядоченное, прекрасное) и дисгармония (хаотичное, безобразное), они становятся соотношениями чисел, определяющими связи между вещами, наполняющими космос. Здесь же косвенным образом мы выходим на другую важную категорию акмеологии – категорию *отношений*. Акме и кате оказываются заданными и доступными для математического анализа отношениями каких-то свойств, явлений, состояний. Не вещь сама по себе, а вещь в ее отнесенности с другими, а также ее внутренняя структура приобретают принципиальное значение.

В этой логике и само познание (в том числе познание акме и кате) должно начинаться с *определения исходного принципа*, который задает структуру как внутренних, так и внешних связей объекта. На следующем уровне этот принцип подвергается выражению на языке математики, с тем чтобы выявить *законы количественных отношений*. В системе Пифагора есть один признак, по которому реально (не в математической абстракции) возможно опознать гармоничное или дисгармоничное состояние – это чувство прекрасного. Оно позволяет обнаружить такие устойчивые структуры и далее выражать законы их существования математически.

Акме человеческой жизни – это приближение к гармоническому состоянию, которое связано с *внутренней целостностью* и есть утверждение *прекрасного*. Это внутренняя мера, которая подобна гармонии всего космоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В. В., Пожарский С. Д. Философия и акмеология. СПб. : Политехника, 2003. 396 с.
2. Кузьмин А. В. Философские модели Космоса Пифагора и Филолая : от Античности до начала Нового времени // Философская мысль. 2021. № 6. С. 27–41.
3. Herrmann D. Pythagoras and the Pythagoreans // Ancient Mathematics : History of Mathematics in Ancient Greece and Hellenism. Berlin ; Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg, 2023. P. 37–62.
4. Huffman C. The Pythagorean conception of the soul from Pythagoras to Philolaus // Body and Soul in Ancient Philosophy. 2009. P. 21–43.
5. Robert A. Pythagoras' ethics and the Pythagorean way of life in the Middle Ages // Brill's Companion to the Reception of Pythagoras and Pythagoreanism in the Middle Ages and the Renaissance. Brill, 2021. P. 229–274.
6. Чанышев А. Н. Пифагореизм // Философский словарь / сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, Ю. Н. Солoduхин ; под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М. : Республика : Современник, 2009. 846 с.
7. Ретин Д. А. Проблема познания в ранней античной метафизике // Известия Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 97–107.
8. Каратини Р. Введение в философию. М. : Эксмо, 2003. 736 с.
9. История философии / под ред. В. В. Васильева, А. А. Кротова, Д. В. Бугая. М. : Академ. проект, 2005. 680 с.
10. Волошинов А. В., Рязанова Н. В. Пифагорейское учение о числе : генезис числа как объекта культуры // Вестник Сарат. гос. техн. ун-та. 2011. Т. 1, № 1 (52). С. 336–342.
11. Аристотель. Соч. : в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус. М. : Мысль. 1976. Т. 1. 550 с.
12. Чанышев А. Н. Итальянская философия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 216 с.

13. Еровенко В. А., Михайлова Н. В. Роль Пифагора и его школы в философском идеале нового математического знания // Математические структуры и моделирование. 2022. № 4 (64). С. 129–139.

14. Досократики / пер. с древнегреч. А. О. Маковельского. Минск : Харвест, 1999. 784 с.

15. Ямвлих. О Пифагоровой жизни / пер. с древнегреч. И. Ю. Мельниковой. М. : Алетей, 2002. 192 с.

16. Липов А. Н. О «несоизмеримых сущностях» в философии пифагорейцев. К философским основаниям

иррациональных пропорций в науке и культуре // Философская мысль. 2018. № 11. С. 93–110.

17. Кирьянов Д. А. Проблема несоизмеримости и кризис оснований древнегреческой математики // Философская мысль. 2021. № 9. С. 54–65.

18. Гегель Г. В. Лекции по истории философии. СПб. : Наука, 1993. Кн. 1. 350 с.

19. Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 448 с.

Санкт-Петербургский государственный университет

Юмкина Е. А., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии

E-mail: katerinayum@mail.ru

Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений

Волков В. В., доктор экономических наук, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: agnee@yandex.ru

St. Petersburg State University

Yumkina E. A., Candidate of Psychology, Senior Lecturer of the Department of Social Psychology

E-mail: katerinayum@mail.ru

Military Institute of the Railway Troops and Military Communications

Volkov V/ V., Doctor of Economic Sciences, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines

E-mail: agnee@yandex.ru